

ББК 63.3 (4 Фр.)
М 52

Перевод с французского
2-е издание (с сокращ.)

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
1995

М 52 Мерсье Л.-С.
Картины Парижа: Пер. с франц. — 2-е изд. (с сокращ.). — М.:
«Прогресс-Академия», 1995. — 400 с.

У каждого народа есть свой предмет гордости. Всеобщая любовь французов — Париж. А может быть, не только французов. Ведь Париж — это вселенная в миниатюре.

Кто из нас не мечтал побывать в этом убеленном сединами веков и все же никогда не стареющем городе? Что помогает ему оставаться вечным полюсом притяжения для многих поколений европейцев и американцев, индусов и африканцев? Как умудряется он сочетать причудливую старину с режущей глаз экстравагантностью новых веяний, обычаев, нравов?

На многие эти вопросы дает ответ книга очерков о Париже замечательного французского философа, писателя, публициста Л.-С. Мерсье. И пусть «Картины» написаны два века назад. Ценность их от этого не теряется. Сам Мерсье прозорливо предположил, что и «через сто лет вернутся к... «Картинам Парижа», и не только из-за живописных достоинств, а потому, что мои наблюдения, каковы бы они ни были, должны будут слиться с наблюдениями века, который последует за нашим и извлечет для себя пользу как из нашего безрассудства, так и из нашей мудрости».

Давайте же и мы это сделаем, — спустя два века. Ибо каждому народу надо узнать несколько полезных истин прошлого, чтобы исправить ошибки своего времени.

М 4700000000—33
847(07)—95

ББК 63.3 (4 Фр.)

ISBN 5—85864—019—2

© 2-е издание. Оформление. Издательство «Прогресс-Академия».

Вступительная статья

«Картины Парижа» — книга замечательная. Написанная более чем два столетия тому назад, она и по сей день продолжает привлекать к себе благосклонное внимание читателей, многие из которых, впрочем, не могут сказать ничего определенного о ее авторе. Ныне Луи-Себастьян Мерсье сохраняет свое место в истории литературы исключительно как создатель «Картин Парижа». Удивляться здесь не приходится: Мерсье, оригинальный писатель, автор многочисленных философских и исторических произведений (примера ради сошлемся на шеститомную «Историю Франции от Хлодвига до Людовика XVI»), при жизни неизменно вынужден был довольствоваться вторыми ролями, поскольку на сцене европейского Просвещения блистали такие непревзойденные литераторы и философы, как Вольтер, Дидро и Руссо. Слава упомянутых писателей не умялась и в последующее столетие, тогда как их менее удачливых современников постигло забвение, возможно, и не вполне справедливое. Скорее всего и имя Мерсье кануло бы в Лету, если бы не два маленьких томика, на титульном листе которых было напечатано «Картины Парижа»¹.

Мерсье родился в 1740 г. в Париже. Отец будущего литератора торговал оружием, и не без успеха, так что сын негоцианта имел возможность получить прекрасное по тем временам образование. К двадцати годам Мерсье успел попробовать свои силы в поэзии, но потерпел полный провал. «Героиды», образцом которым послужили одноименные послания римского элегика Овидия, французская читающая публика встретила равнодушно. Неудавшийся дебют запомнился надолго: в зрелые годы Мерсье относился к поэзии и поэтам с неизменной ненавистью.

После изгнания иезуитов за пределы Франции большинство кафедр в провинциальных университетах оказались вакантными, поэтому Мерсье в 1763 г. сравнительно легко стал профессором риторики в Бордо. Но карьера ученого не привлекала талантливого молодого человека: в 1765 г. Мерсье возвращается в Париж, с тем чтобы навсегда связать свою писательскую судьбу со столицей Франции. Однако родной город не торопился раскрыть объятия своему блудному сыну.

Поначалу Мерсье перебивался переводами английских и немецких пьес. Французская классическая трагедия переживала тогда глубокий кризис, завершившийся известными реформами Дидро, которому удалось

¹ Речь идет об издании 1781 г. Из литературы, специально посвященной Мерсье, я бы назвал следующие работы: Левбарг Л. Луи-Себастьян Мерсье. Л.—М., 1960; Beclard L. Sebastien Mercier, sa vie, son oeuvre, son temps. Avant la Revolution. 1740—1789. P., 1903; Zollinger O. L.-S. Mercier als Dramatiker und Dramaturg. Strassburg, 1899.

создать практически новый жанр «третьесословной» социальной драмы. В Европе входил в моду Шекспир, во Франции его, правда, читали в далеких от оригинала переделках Дюси. Критики заговорили о народности литературы. В общую полемику не замедлил включиться и Мерсье, причем полемику эту он вел с позиций крайнего радикализма. В «Опыте о драматическом искусстве» (1769) начинающий литератор полностью порывает с традициями классицизма: трагедия, по мнению автора «Опыта...», совершенно изжила себя как драматический жанр, правило трех единств — нелепейшая из выдумок, а античные сюжеты в конце XVIII века — попросту никому не интересны.

В горячке решительного отрицания Мерсье не щадил кумиров прошлого — Гомер, Плавт, Расин, Буало одинаково клеймятся им как «разносчики литературной чумы»¹. Справедливости ради скажем, что Мерсье не ограничился одной лишь критикой: он сумел выдвинуться на литературном поприще как талантливый драматург. Его перу принадлежит целый ряд пьес остросоциального характера: «Бедняк», «Судья», «Тачка уксусника» и др. А пьеса «Дезертир» настолько понравилась королеве Марие-Антуанетте, что она назначила Мерсье ежегодную пенсию в 800 ливров. Однако в отличие от коронованных особ, актеры, игравшие на сцене «Комеди франсез», не простили автору «Опыта...» ядовитых выпадов против Корнеля и Расина и играть пьесы Мерсье категорически отказались. Честолюбивому драматургу пришлось довольствоваться «Комеди итальян», а также аплодисментами провинциальной публики.

Мерсье не отчаивался и на этот раз, пробуя свои творческие силы в новом для него жанре. В 1767 г. он пишет роман «Дикарь», посвященный жизни индейцев в девственных лесах Америки до прихода колонизаторов, которая представляется ему своего рода земным раем. В 1770 г. Мерсье порадовал читателей новой книгой — «Год 2440»², которая, впрочем, медленно была запрещена цензурой. По содержанию роман этот представляет собой смесь социальной утопии с нелюбезной критикой «старого порядка».

Что касается политических идеалов автора — свободы, равенства, конституционной монархии, то они немногим отличались от так называемых «идеалов 1789 года». Революционная диктатура не оставила от этих идеалов ровным счетом ничего, но по мере эволюции европейского общества социальные прогнозы Мерсье полностью подтвердились. После штурма Бастилии Мерсье с гордостью говорил своим друзьям: «Именно я был истинным пророком революции», однако его уже не слушали, поскольку в тогу пророка грядущих бурь тогда не рядился разве что ленивый. Подобно большинству деятелей Просвещения Мерсье умел сочетать критику общественных изъянов с личной безопасностью и благополучием, хотя иной

¹ «Pestiferes de la litterature». Следует заметить, что радикальная критика Мерсье со временем принесла определенные результаты. Дегранж, автор известного труда по истории французской литературы, считает Мерсье одним из духовных отцов романтизма, отмечая влияние «Опыта...» на знаменитое предисловие Гюго к «Кромвелю».

² Существует перевод на русский язык: Мерсье Л.-С. Год 2440. Сон, которого возможно и не было. Л., 1977, 240 с.

раз случались и недоразумения. Так, в 1781 г. после выхода в свет первых двух томов «Картин Парижа» власти поспешили арестовать издателя книги. Полиция искала автора, о котором до этого практически мало кто знал. Мерсье с достоинством вышел из этих затруднительных обстоятельств: явившись на прием к префекту полиции Ленуару, он смело заявил: «Не ищите автора, это — я», и затем благоразумно уехал в Швейцарию, где пробыл до 1786 г. В городе Невшателе работа над «Картинами...» продолжалась, в итоге было издано двенадцать томов, заключавших в себе окончательный текст данного произведения¹.

Когда во Франции запылали огни революции, пылкий и увлекающийся Мерсье с головой окунулся в политическую деятельность. Вместе с Карра он выпускал газету «Annales patriotiques», а затем основал собственное издание жирондистской ориентации «Chronique du mois». В 1792 г. Мерсье от департамента Сена и Уаза избирается в Конвент, где играет ведущую роль в комитете народного образования.

В ходе процесса Людовика XVI Мерсье в очередной раз проявил незаурядное гражданское мужество: не испугавшись угроз исступленной черни, он высказался против смертной казни. Мерсье всегда предпочитал последовательную честность соблазнительным выгодам момента. Когда почти вся Франция раболепно склонилась перед Наполеоном, редко кто осмеливался выступить против милитаристского деспотизма. Но не таким был Мерсье. Среди немногочисленных идейных противников всесильного диктатора смело зазвучал и голос скромного профессора истории Мерсье.

Беспринципные политиканы, литераторы, пресмыкающиеся перед любыми властями, относились к автору «Картин Парижа» с нескрываемой ненавистью. Они, возможно, в немалой степени способствовали тому, что труды этого философа и блестящего стилиста впоследствии стали воспринимать как забавный курьез.

Откровенное высказывание истины отнюдь не облегчает карьеру депутата, в годы же решительных преобразований прямоте представляет собой смертельную опасность. Клика Робеспьера бросила Мерсье в темницу, из которой он вышел только после 9 термидора. Автора «Картин Парижа» избирают в Совет пятисот, а в 1795 г. он становится членом Института по разряду моральных и политических наук.

Непосредственное знакомство с «преlestями» революционной демократии, по-видимому, оставило в душе Мерсье неизгладимый след. В Совете пятисот он, в частности, выступал против перенесения праха Декарта в Пантеон, против чествования памяти Вольтера и введения всеобщего народного образования. Представители интеллектуального истеблишмента, озлобленные тем, что Мерсье называл как их самих, так и их духовных предшественников Локка и Кондильяка «идиотами» и «надменными выскочками», отплатили критику, неизменно высказывавшемуся с уважением о Руссо, прозвищем «обезьяна Жан-Жака».

¹ Minder R. Paris in der neueren franzosischen Literatur (1770—1890). Wiesbaden, 1965.

В последние годы жизни Мерсье много и плодотворно работает. В Ecole centrale он читает курсы философии, литературоведения и истории искусств. Недостатка в слушателях не было: последних неизменно поражали своей оригинальностью взгляды профессора. Мерсье, в частности, боролся с физическими теориями Ньютона, не видел в творениях Рафаэля, Тициана и Леонардо да Винчи никакой эстетической ценности. Современники относились к парадоксальным высказываниям Мерсье с известной долей иронии, но даже самые отъявленные недоброжелатели не могли отрицать того, что автор «Картин Парижа» — глубокий эрудит и блестящий стилист, книгам которого обеспечено почетное место в сокровищнице французской словесности.

В старости Мерсье часто говорил немногим из сохранившихся у него друзей: «Я живу лишь затем, чтобы увидеть, чем все это кончится». Под «этим», естественно, подразумевалась наполеоновская диктатура. Последнее желание Мерсье исполнилось: за три недели до его смерти Наполеон, окруженный союзными войсками и преданный своими маршалами, подписал во дворце Фонтенбло акт отречения от престола. Итак, Мерсье ушел из жизни идейно удовлетворенный, не дождавшись, однако, признания своего незаурядного писательского таланта. Оно пришло с небольшим опозданием, но надолго. «Картины Парижа» завоевали сердца читателей. В пестром вихре парижской жизни Мерсье сумел различить ценности, актуальные для всей западноевропейской цивилизации, а затем преподнес их читателям в увлекательной и доступной форме. Одним словом, вы не пожалеете, если в часы досуга откроете это роскошное издание «Картин Парижа» Луи-Себастьяна Мерсье.

А. В. ПАНИБРАТЦЕВ,
кандидат философских наук

Предисловие

Я буду говорить о Париже, но не о его зданиях, соборах, памятниках, достопримечательностях и тому подобном. Обо всем этом уже достаточно написано. Я буду говорить об общественных и частных нравах, о господствующих идеях, о современном настроении умов — обо всем, что поразило в этом причудливом собрании обычаев, порою безрассудных, порою мудрых, но всегда изменчивых. Я буду говорить также о его необъятной величине, о его чудовищных богатствах и его скандальной роскоши. Он выкачивает, он вбирает в себя и деньги и людей; он поглощает и пожирает другие города — *quærens quem devoret**.

Я исследовал все классы населения и не пренебрег даже предметами, наиболее далекими от горделивого довольства, дабы путем противопоставлений как можно лучше выявить нравственный облик этой гигантской столицы.

Многие ее жители чувствуют себя как бы чужестранцами в собственном городе; эта книга их, быть может, чему-нибудь научит или, во всяком случае, покажет им в более ярком и ясном освещении то, к чему они пригляделись и что перестали замечать; ибо мы далеко не лучше знаем то, что видим ежедневно.

Если кто-нибудь рассчитывает найти в этой книге *топографическое* описание площадей и улиц или историю давно минувших событий, — он обманется в своих ожиданиях. Меня интересовал нравственный характер столицы и его быстро меняющиеся оттенки...

Я не составлял ни *каталогов*, ни *описи*, — я делал наброски так, как мне хотелось; я старался разнообразить свои *Картины*, насколько мог. Я изображал их в различных обликах. И вот они в том виде, в каком выходили из-под моего пера, по мере того как мои глаза и мое разумение соединяли воедино отдельные части.

Читатель сам исправит то, что писатель плохо разглядел или неудачно набросал, и сравнение, быть может, пробудит в нем тайное желание еще раз посмотреть данный предмет и сравнить его с его изображением на картине. Останется сказать еще гораздо больше того, что сказал я, и сделать гораздо больше наблюдений, нежели сделано мною; но ведь одни только сумасшедшие или злые позволяют себе высказывать все, что им известно, или все, что ими изучено.

Будь у меня не один, а сто ртов, и сто языков, и тот железный голос, которым говорят Гомер и Вергилий, — все равно мне, само собой разумеется, было бы невозможно изобразить все контрасты великого города, контрасты, выступающие при сопоставлении особенно резко. Когда гово-

* К словам, выделенным курсивом со звездочкой, в конце книги даны примечания. — Ред.